

СВОБОДА СЛОВА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛ В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

УДК 342. 727

Скиперских Александр Владимирович

д-р полит. наук, профессор кафедры философии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Аннотация. В статье раскрыта позиция автора по проблеме возможности реализации свободы слова в провинциальном городе России.

Ключевые слова: свобода слова; провинция; политика.

Тут все могло быть делом привычки, или лучше сказать, непрерывной, и благородной склонности, с детских лет, к приятной мечте о красивой гражданской своей постановке. Он, например, чрезвычайно любил свое положение «гонимого» и, так сказать, «ссылного».

Ф. Достоевский, «Бесы»

Склонность к публичному выражению гражданского несогласия либо существует, либо отсутствует напрочь. В большей степени необходимость выражения несогласия есть прерогатива и удел людей изначально творческих и ярких, людей свободных профессий, противопоставленных прилизанному офисному планктону, сливающимся в кабинетах негатив в корпоративы и выездные турбазные пикники.

Именно у интеллектуала могут существовать изначально более мощные стартовые условия объективации своего несогласия. Разве покушение на *правду*, происходящее на глазах интеллектуала, не понимается им моментально как тревожный и катастрофический тренд, отражающий деградацию журналистики, отбрасывающий ее в состояние жуткой информационной несвободы? Кто как не интеллектуал, окрыляемый находящимся в его распоряжении творческим и креативным ресурсом, и не лишенный странной «привычки, или, лучше сказать,

бесперывной, и благородной склонности» [1], как когда-то охарактеризовал в «Бесах» одного из своих героев Ф. Достоевский, способен реконструировать происходящие события в более или менее объективном плане, развенчивая ангажированный журналистский дискурс российской провинции. К счастью, в распоряжении интеллектуала имеются ресурсы Глобальной сети и налаженные структуры коммуникации с себе подобными, позволяющими объективировать принципиально иную реальность.

Таким образом, в фокусе наших интересов оказывается интеллектуал, втиснутый в политический пейзаж современной российской провинции. Действительно, современная политическая конъюнктура делает все, чтобы «схватить» нашего героя в тиски дисциплинаризации и ограничений, сделать его голос неразличимым и робким. Мы постараемся опровергнуть существующий тренд, предположив, что, наоборот, в ряде случаев интеллектуал готов преодолевать существующие ограничения. Своеобразным периодом манифестации права на речь интеллектуала стали зимние протесты 2012 г., в которых интеллектуалы принимали активное участие. Это происходило не только в Москве, но и в российской провинции.

Вообще, имея в виду содержание дефиниции «интеллектуал», нам, наверное, будет близко определение, данное в свое время французским автором Ж. Ле Гоффом, видевшим в них тех людей, которые профессионально занимаются деятельностью преподавателя и ученого в городах [2].

В небольшом городе Ельце, где так же, как и в столице, проходили протестные акции, есть клас-

FREE EXPRESSION IN THE RUSSIAN PROVINCE: AN INTELLECTUAL SEARCH FOR TRUTH

Alexandr Skiperskih

Doctor of Political Sciences, Department of Philosophy Eletski State University

Abstract. The paper discloses author's position on the problem of the possibility of realization of freedom of speech in the provincial Russian city.

Keywords: free expression; province; policy.

сический университет, два филиала коммерческих вузов, несколько техникумов и колледжей, что активизирует существование в елецком социуме группы интеллектуалов, деятельность которых связана с преподаванием в указанных образовательных учреждениях и осуществлением научных студий. Несмотря на отсутствие в Ельце каких-то значительных площадок для выражения гражданской позиции, некоторые интеллектуалы все-таки прельстились искушением гражданской свободы и участвовали в данной акции протеста.

Публичные интеллектуалы по Р. Дарендорфу — это «люди, способные оказывать влияние при помощи слова. Они говорят, дискутируют, дебатуют, но прежде всего они пишут. Ручка, пишущая машинка, компьютер — это их оружие, или, лучше сказать, орудие труда, инструмент. Они хотят, чтобы другие, как можно больше других, слушали, а еще лучше — читали то, что они стремятся до них донести» [3]. Интеллектуал остро и чувствительно реагирует на изменение политической погоды, моментально схватывая ее образы в порождаемых текстах. «Осознание вертикального тупика, на которое в СССР ушло три поколения, для нас уложилось в 12 лет» [4], — пишет Д. Орешкин. С этим сложно не согласиться — разочарование в политической реальности сегодня происходит на порядок быстрее.

В силу своей моментальности реагирования на содержание политического дискурса, интеллектуал, кажется, превосходит других. Необходимо отметить, что это связывается с одной из концепций власти, предполагающей, что раскрытие власти через право на говорение как таковое. Действительно, команды власти вызывают речь в других — в объектном поле. Наоборот, власть и говорит сама, добиваясь тишины от другого в момент собственной речевой презентации. Как первая, так и вторая схема, безусловно, нарушает право интеллектуала на слово, его постоянную необходимость в дискурсивной демонстрации, необходимость в выяснении истины, необходимость в дискуссии.

Первая протестная акция в Ельце была организована именно такими людьми, что свидетельствует о существовании в городской текстуре неких профформ интеллектуального брожения. Показательно, что в акции принимали участие профессора, преподаватели и аспиранты ЕГУ им. И.А. Бунина. Первая акция была посвящена исключительно протесту против фальсификаций на думских выборах. Ее изначально вежливый формат поэтому мог стать привлекательным для тех участников, которые не стре-

мились к эпатированию посредством скандала, к концентрации внимания на своей персоне. Правда, интеллектуал изначально не мог оставить без внимания такое важное событие в жизни российской провинции, ведь для него всегда принципиально вовлекаться в публичные дискурсы и подчинять себе их.

Политический дискурс, где демонстрируются речевые кондиции интеллектуала, где в публичный котел выбрасываются порожденные им тексты, и представляет собой лакомое блюдо интеллектуала. Еще В. Ленин когда-то отмечал, что «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе» [5]. Интеллектуал говорит для массы людей, внимающих ему с волнительным напряжением. Как здесь не вспомнить Ж. Бодрийяра, заметившего по этому поводу: «Масса, лишенная слова...<...>... всегда распростерта перед держателями слова» [6].

Необходимость сражения за право говорения актуализируется после подобных моментов истины с особым энтузиазмом наиболее очевидно. Поэтому участие как в данной акции, так и в последующих протестных мероприятиях, нашедших форму креативных уличных арт-акций и политических перформансов, представителей профессорско-преподавательского состава и аспирантов не может не свидетельствовать о существовании ростков активистской гражданской культуры в самом университете. В свое время Р. Дарендорф отметил опасность ситуации, когда интеллектуалы «оказываются на одной стороне» [7].

Появление практик уличного протеста и активизация креативной части гражданского общества Ельца, связанные с университетом как с образовательным и культурным средоточьем, делают попытки одностороннего принятия решений довольно дорогими «на выходе». Делает свое дело и блогосфера, значительно помогающая интеллектуалам быть услышанными.

Именно университет, выступая центром интеллектуальной жизни в российской провинции, содержит в себе серьезный символический капитал, проецирующий на каждого из его сотрудников. Объективно, власть просто обязана замечать интеллектуалов в группе несогласных — в пикетирующей толпе, потому как это является для нее серьезным вызовом — как минимум приглашением к открытой дискуссии.

Вместе с тем показательно, что не все университетские интеллектуалы готовы соискать право на речь в долгом и трудном противостоянии с властью, которая в «российской провинции уже давно превратилась в закрытый класс» [8]. Не каждый интеллектуал, вписанный в провинциальный социокультурный и политический ландшафт, имеет сегодня смелость заявлять о своих претензиях на право говорить. Подавляющее большинство, кажется, не готово публично рефлексировать на новую политическую реальность. А некоторые интеллектуалы, используя терминологию А. Грамши — «органические интеллектуалы», порожденные и выпестованные самой системой, что в результате не может не сказываться на качестве и содержании их посланий обществу. Как правило, такой тип вместо тонких культурных провокаций в отношении власти тяготеет к весьма компактному, преимущественно искусственному возмущению.

Подобный тип интеллектуала, говоря словами М. Фуко, готов обращаться к «непролетаризированной массе», прививая ей правовые методы сопротивления вместо активных форм, которые ей и должны быть присущи в гражданском сопротивлении. Подобные апелляции усыпляют и студентов в аудитории. В какой-то степени данная миссия зачинателей осуществляется и теми интеллектуалами, которые прибегают к иносказательности, метафоричности, отдавая предпочтение литературным приемам вместо гражданского публичного акта. «Вот такая работа выполняется интеллектуалами и учителями», — заключал М. Фуко [9].

Утрата интеллектуалом функции местоблюстителя и интерпретатора продуктов публичных дискурсов уже не выглядит странной ввиду исчезновения/размывания самого субъекта как такового. Медленная смерть субъекта — результат постоянных перфекционистских опытов интеллектуала над собой в условиях изначальной бесперспективности усовершенствования самого себя. Как замечательно выскажется современный философ А. Ильин, «современный субъект — это шаткий конструкт, никогда не достигающий своей подлинности, монументальности, но всегда способный к саморазрушению. Он подобен улыбке Чеширского кота или лицу, начертанному на песке. Субъект — это всего лишь тот, кто, желая убедить себя в собственном существовании, называет себя субъектом» [10]. Наверное, в данном контексте речь интеллектуала, его ротовая полость, извлекающая звуки, остается едва ли не последней собственностью интеллектуала, его отличительной, предписанной чертой.

Продолжая тему «органических интеллектуалов», хотелось бы отметить такой факт, что акции уличного протеста в российской провинции не пользуются интересом среди учителей школ, количество которых в российской провинции является довольно высоким. Картина, наблюдаемая в том же провинциальном Ельце, наверняка имеет некие основания для репрезентативности. Именно школьные учителя выступили послушной социальной массой в силу конъюнктурных соображений. Они покорно приходили на ответные митинги, организованные властью, либо своим физическим телом обеспечивали массовость регионального и столичного пропутинского политического единения. Конечно, университетские интеллектуалы здесь оказались более политизированными и заряженными протестным вирусом.

Боязнь потерять работу и стать жертвой сокращения, лишиться премии и вызвать недовольство директора учебного заведения сегодня в компактном мире российской провинции является куда более сильным мотивом сдерживания в себе гражданского протестного духа, нежели его артикуляция на абстрактных политических темах и сюжетах. В условиях, когда директор школы начинает практически в одиночку распределять премии и формулировать приоритеты кадровой политики, демонстрация своей оппозиционности будет идти только в ущерб. Подобная осторожность выступает своеобразной чертой провинциальных «органических интеллектуалов». В их понимании — гражданский протест выглядит, скорее, прерогативой сытого и взбалмошного. Это протест креативщиков и шоуменов, соскучившихся по действию и интеллектуальному эпатированию. Расписываться в собственных симпатиях к оппозиционным настроениям в российской провинции сегодня опасно и попросту невыгодно. Это может стать причиной вечной санкции в отношении самого себя.

Необходимо отметить полифоничность интересов интеллектуалов, отправляющуюся от различия их возрастных, профессиональных, образовательных и гендерных статусов. Мотивы, позволившие им испытать искушение гражданским протестом, выглядят самыми разными и, одновременно, схожими.

Это — *экономический, политико-правовой, культурный и этический мотивы*. Безусловно, необходимо коснуться *экономического мотива*. Интеллектуалами мог отмечаться низкий уровень экономических свобод, при существующем разделении в университете на своих/чужих. Это не могло не ска-

зываются на доступе к экономическим благам. Некоторые интеллектуалы являются заложниками двойной идентичности, проявляющейся в маятниковой мобильности. Некоторым интеллектуалам приходится периодически искать экономическое счастье в Москве, вместо того чтобы в полной мере, вдохновенно, реализовывать свои возможности в провинциальных городах.

Важным мотивом выступает и *политико-правовой*, предполагающий открытое недовольство состоянием политического дискурса в России, а также правовыми гарантиями, обуславливающими повседневность. Действительно, у современного провинциального интеллектуала, равно как и у его столичного визави, существует много вопросов к состоянию собственной свободы. Интеллектуал не может быть удовлетворен кристаллизацией российской правящей элиты, происходящей на всех уровнях власти. Интеллектуал не претендует на доступ к власти, но призывает власть (снова посредством права на речь!) к честной и открытой игре, к предоставлению равных возможностей соискателям.

Уличные протестные акции рассматриваются и как гражданско-правовой вызов системе. Можно ли критиковать систему, следует ли публично указывать на ее недостатки и при этом сохранять себя в неприкосновенности, существует ли у современного российского правящего класса моральное право на осуществление власти? Существует ли у интеллектуала право на голос, право на публичную демонстрацию своего несогласия? Риторические вопросы, над решением которых бились известные герои У. Шекспира и Ф. Достоевского, моментально актуализировались в декабре 2011 г. и в условиях маленького городка, «занесенного снегом по ручку двери» [11].

Данный протест может быть рассмотрен как культурная провокация, что актуализирует *культурный мотив* вовлечения в пикет, в его культурную воронку. Именно культурный мотив стал причиной появления на пикете некоторых несогласных из музыкальной и литературной среды, разделяющих контркультурные претензии. Впрочем, необходимо отметить, что интеллектуалы выглядели более сдержанными в форме и содержании творческого продукта, продемонстрированного аудитории на данном мероприятии. Наоборот, когда речь идет о политическом перформансе, именно интеллектуалы выступают его наиболее активными субъектами. Именно они пишут сценарии и экспериментируют

со смыслами, одновременно выступая его действующими лицами.

Наконец, одним из самых важным мотивов участия интеллектуалов в уличном протесте выступает *этический мотив*. Обещание прийти на акции протеста, поддержать своих знакомых и приятелей для интеллектуалов становится решающим аргументом вовлечения в протестное движение. Как уже отмечалось, протестные мероприятия были задуманы и реализованы при непосредственном участии интеллектуалов, да и в дальнейшем уличный протест в том же Ельце во многом состоялся благодаря усилиям интеллектуалов. Участие в протестных мероприятиях стало для них важным вызовом гражданского становления, личным испытанием на независимость, на гражданскую самость. На наш взгляд, данные причины могут являться куда более серьезным аргументом артикуляции своего гражданского «Я», перевешивающего как экономический и политико-правовой, так и культурный мотивы.

Таким образом, провинциальный интеллектуал в современной России по-прежнему озадачен поисками правды. Данный тезис напрямую связывается с правом интеллектуала на слово, на высказывание. Становление гражданского общества в России происходит в сложных условиях, и интеллектуал, несмотря на свою раздвоенность, отмечаемую нами выше, вновь оказывается едва ли не ключевым фактором с изначально предписанной ему способностью толкования. Находясь в поиске права на слово, часть интеллектуалов выступает едва ли не самым активным сегментом городского протестного социума, ввиду относительной свободы от требовательного и внимательного зрачка своего работодателя. Это позволяет им брать инициативу в свои руки. Присутствие интеллектуалов на одной площадке вместе с оппозиционными силами российской провинции в какой-то степени должно заставлять власть задумываться над вопросом собственной популярности, которая во многом начинает становиться объектом критики образованных городских слоев.

Присутствующий в интеллектуалах потенциал позволяет предполагать, что именно они как раз могут и выступить в роли наиболее твердых и неуступчивых игроков, а ряде случаев и склонных к компромиссам переговорщиков. Вероятность подобных сценариев в который раз подтверждает функциональность речи как наиболее активного ресурса интеллектуалов.

Литература

- [1] Достоевский Ф. Бесы. Киев.: БМП Борисфен, 1994. С. 7.
- [2] Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. / Пер. с фр. А.М. Руткевича. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. С. 8.
- [3] Глухова А.В. Испытания несвободы (интеллектуалы во времена испытаний). // Вестник ВГУ. Сер. Философия. № 1. 2009. С. 8.
- [4] Орешкин Д. Остервенение и солидарность. // Новая газета. № 64 (1912). 13.06.2012. С. 6.
- [5] Ленин В.И. Задачи революционной молодежи. // Полное собрание сочинений. — 5-е изд.: в 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 7. С. 343.
- [6] Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. С. 11.
- [7] Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением. // Политические исследования. 1997. № 6. С. 5.
- [8] Скиперских А.В. Вызовы провинциального протеста // Свободная мысль — XXI. № 12. 2011. С. 50.
- [9] Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2. / Пер. с фр. И. Окуневой. М.: Праксис, 2005. С. 33.
- [10] Ильин А.Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры). Омск, Амфора, 2010. С. 61.
- [11] Бродский И. Урания. СПб.: Пушкинский фонд, 2000. С. 75.